

ИМПОРТНАЯ ЗАВИСИМОСТЬ VS ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ: ИССЛЕДОВАНИЕ ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ ГОТОВНОСТИ СТРАН ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА К ВВЕДЕНИЮ НОВЫХ ОГРАНИЧИТЕЛЬНЫХ МЕР В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКИХ ЭНЕРГОНОСИТЕЛЕЙ

К. С. Кондратенко

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Статья посвящена исследованию позиций стран ЕС готовности или неготовности к присоединению к новым ограничительным мерам против российских энергоносителей. Тема блокирования российского сырья — одна из наиболее болезненных, возникших в результате украинского кризиса. Многие лидеры и высокопоставленные чиновники стран ЕС выражали явную озабоченность ввиду возможности экономического шока в результате расширения санкций. Статья посвящена изучению факторов выработки политической позиции и роли доказательной политики в этом процессе. Ключевым вопросом в статье является противоречие между ценностями и интересами в странах — членах Европейского союза — для этого было предпринято исследование общей модели поведения стран ЕС, общественного мнения, базовых интересов, а также стратегий выхода из энергетического тупика. Чтобы достичь требуемых результатов, в статье был предпринят корреляционный и регрессионный анализ, а также качественный сравнительный анализ на основе булевой алгебры. Кейсы исследовались с позиции допустимого разнообразия, поэтому для получения результатов были отобраны экономические, политические, социальные и политико-культурные переменные. Исследование доказательной базы как основы выработки политической позиции и инструментов ее реализации имеет важное значение для понимания формируемой энергетической стратегии Евросоюза, которая определит развитие Еврозоны на ближайшие годы и, возможно, десятилетия.

Ключевые слова: энергетическая политика, Евросоюз, Европейский союз, импортная зависимость, санкции, энергоносители, российские энергоносители.

ВВЕДЕНИЕ

2022 год — время беспрецедентных по своему масштабу ограничительных мер для России и российских энергоносителей. Не будет преувеличением сказать, что санкции именно против энергоносителей являются важнейшими по отношению ко всем остальным и поэтому наиболее проблемными. Самой простой в реализации мерой для Европейского союза был отказ от российского угля — простой, поскольку в составе ЕС присутствуют страны, чья энергетика построена преимущественно на угле (Эстония, Польша), которые могут нарастить добычу угля для увеличения поставок в ЕС. В то же время санкции в отно-

шении угля ударили не только по Эстонии, доля импорта угля в которой доходила до отметки 98 %, но и по другим странам — Латвии (88 %), Румынии (84 %), Дании (89 %), Литве (99 %), Греции (89 %)¹. Вряд ли опытный исследователь увидит противоречие между объемами импорта угля (и других энергоносителей) в странах Балтии и антироссийской риторикой, на которой без преувеличения построены политические системы в этом регионе. Удар по собственной экономике ввиду отказа от российского угля долго не заставил себя ждать — так, уровень инфляции, согласно официальным данным Евростата, в июне 2022 г. составил 19,2 % в Латвии, 20,5 % в Литве и 22 % в Эстонии².

Подавляющая часть стран ЕС для выработки электроэнергии использует нефть и нефтепродукты. Самые большие объемы фиксируются в электроэнергетических комплексах Кипра, где доля тепловых электростанций, сжигающих органическое топливо, составила 83 %. Значительные объемы нефти для выработки электроэнергии также потребляют Люксембург, Латвия, Испания, Франция, Португалия, Литва, Хорватия, Бельгия, Ирландия, Нидерланды, Дания, Австрия, Греция, Финляндия и Германия³. При этом процент выработки энергии из возобновляемых источников в странах ЕС остается на недостаточно высоком для импортозамещения российских энергоносителей уровне — 38,2 % на 2021 г., лидерами по выработке энергии на ветряных и солнечных станциях остаются Дания (61 % в выработке), Ирландия (35 %), Германия (33 %), Испания (29 %)⁴.

Наиболее болезненно воспринимаются лидерами ЕС санкции в отношении российского газа — «оружия одноразового применения». Ряд европейских стран значительно зависит от поставок российского газа — Финляндия импортирует 94 % российского газа, Латвия — 93 %, Болгария — 77 %, Германия — 49 %, Италия — 46 %, Польша — 40 %, Франция — 24 %⁵. За 20 лет, с 2000 по 2020 г., уровень энергозависимости Евросоюза не только не сократился, но даже незначительно вырос — с 56,3 до 57,5 %⁶. Импортозависимость от российских энергоносителей — одна из ключевых тем критики европейских санкций. «Как только санкции ударят по вам больше, чем по тому, на кого направлены, я думаю, что от этого мало толку», — заявил 4 апреля 2022 г. министр

¹ How much of Europe's gas comes from Russia? // The Hindu. URL: <https://www.thehindu.com/data/data-how-much-of-europes-gas-comes-from-russia/article65293082.ece> (дата обращения: 26.07.2022).

² HICP — monthly data (annual rate of change) // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/prc_hicp_manr/default/table?lang=en (дата обращения: 26.07.2022).

³ World energy // EES EAEC. URL: <https://www.eeseaec.org/ees-eaec-мировая-энергетика> (дата обращения: 26.07.2022).

⁴ Европейская энергетика озеленилась. ВИЭ обогнали по выработке ТЭС на ископаемом топливе // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4661999> (дата обращения: 26.07.2022).

⁵ Какие страны Европы зависят от российского газа. Инфографика // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/economics/28/07/2022/62e10ee29a794737a2bc690d?from=newsfeed> (дата обращения: 28.07.2022).

⁶ Energy imports dependency // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/NRG_IND_ID_custom_1851622/bookmark/table?lang=en&bookmarkId=72cae929-3952-46b9-b363-f2a978a1fd64 (дата обращения: 28.07.2022).

финансов Австрии М. Бруннер (M. Brunner)⁷. «Мгновенный отказ европейских стран от импорта российских энергоносителей мог бы вызвать рецессию в Европе», — сообщил 23 марта 2022 г. канцлер ФРГ О. Шольц (O. Scholz)⁸. «Мы должны обсудить наши уязвимые места с точки зрения нашей зависимости от российских нефти и газа. Я не буду выступать за прекращение поставок нефти и газа из России сегодня, это невозможно, поскольку нам нужны эти поставки, и это неудобная правда», — эти слова премьер-министра Нидерландов М. Рютте (M. Rutte) 9 марта 2022 г. цитируют ряд СМИ⁹. Иными словами, еще в самом начале дискуссии о блокировании российских энергоносителей существовали серьезные разногласия между лидерами стран ЕС. В целом у Европейского союза нет единой стратегии выхода из энергетического тупика, и страны — члены ЕС начали активно искать этот выход. Правительство Италии ведет переговоры с альтернативными поставщиками в Алжире и других странах Африки и Ближнего Востока, страны Центральной и Восточной Европы вступили в коллаборацию друг с другом на случай блокировки российского газа. Страны — соседи РФ, высказывающие наиболее жесткую критику действия российских властей на Украине, переходят на уголь (Польша, Латвия, Литва, Эстония) или вступают в более тесное сотрудничество в сфере энергетики с Норвегией (Финляндия, Швеция). Португалия, Ирландия, Мальта не высказывают требования немедленно ввести эмбарго на российские энергоносители, однако они среди всех членов ЕС наименее зависимы от поставок российского угля, нефти и газа.

Основная проблема, которой посвящена данная статья, — это попытка найти ответ на вопрос, что в большей степени влияет на готовность стран ЕС присоединиться к санкциям в отношении российских энергоносителей: ценности или интересы? И каким образом решается конфликт ценностей и интересов в формулировании политической позиции? Что более значимо в принятии политических решений в Евросоюзе — импортозависимость или общественное мнение? На эти вопросы мы постараемся дать убедительный ответ в ходе исследования.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Теоретической основой данного исследования, целью которого является прояснение политической позиции готовности или неготовности стран ЕС присоединиться к новым ограничительным мерам против российских энергоносителей, являются дескриптивные подходы к анализу доказательной политики. Гипотезой исследования служит утверждение о значимости принципа «доказательства после консенсуса» (доказательства и факты подбираются или анализируются после коллективного выбора, т. е. после того, как общество согласит-

⁷ В Минфине Австрии отвергли газовое эмбарго фразой «нет выбора» // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/politics/23/04/2022/626352239a7947407f8f0d29> (дата обращения: 29.07.2022).

⁸ Шольц рассказал о последствиях в случае отказа от импорта российского газа // РИА Новости URL: <https://ria.ru/20220323/sholts-1779642659.html> (дата обращения: 29.07.2022).

⁹ Премьер Нидерландов счел невозможным немедленный отказ от энергоресурсов из РФ // Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/world/827170> (дата обращения: 29.07.2022).

ся с тем, что для него значимо), являющегося ключевым в дискуссии о санкционных ограничениях. Таким образом, основной темой данного исследования выступает доказательная политика и соотношение научного доказательства и иных социальных источников политики.

Истоки доказательной политики ряд исследователей обнаруживает в идеях Г. Лассуэлла (H. Lasswell), изучавшего роль научных исследований в формировании политики и пытавшегося обосновать значимость научных данных для любого этапа политического цикла [Wesselink, Colebatch, Pearce, 2014; Campbell et al., 2007; Nutley, Powell, Davies, 2013]. Довольно часто в работах можно встретить ссылки на идеи К. Вайс (C. Weiss) [Weiss, 1979; Weiss, 2001], выделившей еще в 1970-х годах семь основных способов использования результатов научных исследований в социальных и политических практиках: фундаментальные знания могут служить основой для эмпирических исследований; для решения социально значимых проблем; для обмена информацией между политиками; для использования в качестве «боеприпасов» (ammunition) для обоснования готовой позиции; для демонстрации процесса деятельности, чтобы избежать обвинений в бездействии; для просвещения; для удовлетворения «духовных» запросов общества [Weiss, 1979].

В 1990-е годы началась активная популяризация лозунга «имеет значение то, что работает», связанная с лейбористским манифестом, подготовленным к всеобщим выборам 1997 г.¹⁰ В 2009 г. Б. Обама (B. Obama) в одной из своих речей сказал: «Вопрос, который мы задаем сегодня, заключается не в том, является ли наше правительство слишком большим или слишком маленьким, а в том, работает ли оно»¹¹. Иными словами, намеченный сдвиг на деидеологизацию политики, обозначенный в 1990-е годы, приобрел сегодня все черты тенденции. В отношении санкций против действий России на Украине в ЕС сохраняется та же риторика доказательной политики: «Люди в Европе и других странах задаются вопросом, работают ли эти санкции и насколько велики побочные эффекты», — заявил глава дипломатии ЕС Ж. Боррель (J. Borrell) 16 июля 2022 г.¹² Днем ранее президент Еврокомиссии У. фон дер Ляйен (U. von der Leyen) сообщила следующее: «Мы предлагаем сегодня ужесточить наши жесткие санкции ЕС против Кремля, обеспечить их более эффективное применение и продлить до января 2023 года»¹³. Однако проблема заключается в том,

¹⁰ New Labour Because Britain Deserves Better, Labour Party Election Manifesto // Labour Party. URL: <http://www.labour-party.org.uk/manifestos/1997/1997-labour-manifesto> (дата обращения: 28.07.2022).

¹¹ President Barack Obama's inaugural address // White House. URL: <http://www.whitehouse.gov/node/1740> (дата обращения: 26.07.2022).

¹² «Кольца и цепочки в санкциях не указаны»: ЕС оставил лазейку для покупки российского золота. Глава евродипломатии Боррель заявил об эффективности антироссийских санкций и призвал ЕС к терпению // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2022/07/17/15137018.shtml> (дата обращения: 22.07.2022).

¹³ Implementation of EU sanctions against Russia: Commission adopts proposal for “maintenance and alignment” package // European Commission. URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_22_4548 (дата обращения: 23.07.2022).

что считать эффективностью применения — если целью является демонстрация политической позиции, то она достигнута, если вынесение «приговора», то сам «приговор» вынесен, но «обвиняемый» не понес должного наказания, если остановка боевых действий, то реализация этой цели вследствие тех или иных ограничительных мер не наблюдается ни в ближайшей, ни в среднесрочной перспективе. Отсюда пессимизм ряда европейских лидеров: «К сожалению, санкции не работают, возможно, когда-то они заработают» (президент Хорватии З. Миланович (Z. Milanović), 31 мая 2022 г.)¹⁴, «Наши действия не сработали так, как лидеры [западных стран] желали» (премьер-министр Польши М. Моравецкий (M. Morawiecki), 2 апреля 2022 г.)¹⁵ и др.

Озвученные точки зрения ярко демонстрируют борьбу «позитивистски настроенных эмпириков» и «критических интерпретаторов», наблюдающуюся и в научной среде [Greenhalgh, Russell, 2009]. Если грубо обобщить идеи представителей этих подходов, то несложно обнаружить, что «позитивистские эмпирики» представляют различные идеи в рамках нормативного подхода (разработка иерархий доказательств, ошибки в применении метода рандомизированных контролируемых исследований, развитие «нормативных» идей К. Вайс и др.), а представители подхода «критической интерпретации» исследуют, скорее, социальные последствия и эффекты применения доказательств, т.е. работают в рамках дескриптивного подхода (развитие «дескриптивных» идей К. Вайс, изучение «мобилизации предубеждений», взаимодействия науки и политики и пр.). В контексте исследования санкций больший интерес представляет именно второй подход, поэтому на нем и стоит сосредоточить далее свое внимание.

Доказательная политика (evidence-based policy), как было показано выше, отталкивается от принципа «что работает», заимствованным из доказательной медицины. Вдохновленные успехами применения доказательного метода в области медицины, политики с 1990-х годов до наших дней пытаются применить этот метод и в других областях, однако первым же препятствием на пути этого метода является сама политика: «что работает» необязательно подразумевает «что имеет значение». Иными словами, распространение доказательной политики чревато ущемлением дискуссии о значимости общих целей и смешением эффективности метода с собственной убежденностью о желаемом результате. Неслучайно некоторые ученые, в частности, Г. Маджоне (G. Majone), подчеркивают важность учета убеждений при выстраивании аргументации в политическом процессе: «Неправильный выбор данных, размещение данных в неправильном месте аргументации, стиль изложения, неподходящий для аудитории, на которую направлена аргументация, — любой из этих факторов может разрушить эффективность информации как доказательства, независимо от присутствующего ей познавательного содержания... Применимость доказательств зависит

¹⁴ Президент Хорватии: Санкции не работают — Путин улыбается, а европейцы страдают. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2022/05/31/prezident-horvatii-sankcii-ne-rabotayut-putin-ulybaetsya-a-evropeycy-stradayut> (дата обращения: 23.07.2022).

¹⁵ Санкции против России не работают, признал премьер Польши // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20220402/sanktsii-1781445324.html> (дата обращения: 23.07.2022).

от ряда особенностей, свойственных данной ситуации, таких как характер дела, тип аудитории, преобладающие «правила доказательства» и даже убедительность аналитика» [Majone, 1989, p. 48]. Автор, иными словами, следует довольно традиционной логике аргументации, косвенно отсылая к этосу, логосу и пафосу аргументации в работах Аристотеля.

Поворот к специфике взаимодействия научных данных и политических решений был совершен еще в работах К. Вайс. Развивая свою мысль о «боеприпасах», исследователь в статье 2001 г. отмечает следующее: «Когда новые данные или результаты исследований поступают на стол переговоров, они противостоят четырем Я, уже сидящим за этим столом: идеологии, интересам, институциональным нормам и практикам и предварительной информации» [Weiss, 2001, p. 286]. Политический процесс в первую очередь предполагает «мобилизацию предубеждений» посредством «набора преобладающих ценностей, верований, ритуалов и институциональных процедур («правил игры»), которые действуют систематически и последовательно в интересах одних лиц и групп за счет других» [Bachrach, Baratz, 1970, p. 43]. Модель, описанная в работах К. Вайс, не предполагает, что социальные исследования непосредственно влияют на изменение политики, однако они могут иметь важное значение. В работе 2007 г. С. Натли (S. Nutley) и ее коллеги провели исследование каналов влияния научных данных на выработку политики, сделав вывод о том, что это влияние носит сложный и преимущественно косвенный характер: «Исследования для политики часто бывают интересными и полезными, однако чаще всего они «информируют» политику, а не дают четкое направление действия» [Nutley, Walter, Davies, 2007, p. 37].

К. Босуэлл (C. Boswell), отталкиваясь от идей К. Вайс о знаниях как «боеприпасах», определяет научные данные как «символический ресурс для поддержки рискованных решений политиков и укрепления авторитета государственных властей, находящихся в бою» [Boswell, 2012, p. 251]. Иными словами, К. Босуэлл, выделяя две основные функции научного знания в политическом процессе — легитимационную и укрепление авторитета, — справедливо, однако вполне ограниченно помещает научное знание в условия политической борьбы. Такая точка зрения достаточно распространена в политической науке: некоторые исследователи прямо указывают на то, что политики, апеллирующие к доказательному подходу, «просто обеспечивают дымовую завесу, чтобы скрыть реальность политических манипуляций при выработке политики» [Sanderson, 2011, p. 62]. Однако место знания в политическом процессе в общих чертах указывала еще К. Вайс, отмечая, что роль исследований в решении проблем будет высокой лишь в том случае, когда достигнуто соглашение о целях политики [Weiss, 1979]. В контексте применения санкций это означает, что фактор общественной дискуссии будет иметь место лишь в тех странах, в которых отсутствует консенсус о необходимости введения ограничительных мер против российских энергоносителей; если значимыми факторами в результате исследования кейса окажутся иные факторы (импортозависимость, безработица, ВВП и пр.), то в таком случае эти кейсы могут быть истолкованы как достигшие согласия о необходимости введения санкций и ведущие дискуссии о том, каким образом это лучше сделать.

Немаловажным в контексте данного исследования представляется понимание важности и сложности проблемы, существенно влияющей на характер политического поля. Масштаб влияния проблемы на политический процесс был отмечен еще П.Холлом (P.Hall), выделившим, согласно этому основанию, три уровня политики: первый уровень связан с незначительными корректировками политического процесса, а сами корректировки носят преимущественно технический характер; второй уровень вызывает изменения в инструментах политики, но не влияет на политические цели; третий уровень связан с трансформацией целей политики [Hall, 1993, p.278–279]. Надо полагать, что европейские страны всячески пытаются избежать разговора о грядущих смещениях целей политики, что следует из роста популярности «партии мира» с Россией на любых условиях, которые Россия потребует¹⁶. Стоит отметить, что более сложные области политики, как правило, довольно восприимчивы к научным данным [Boswell, 2012]. Г.Малган (G.Mulgan) различает три поля политики, характеризующихся разным состоянием и ролью данных в политическом процессе: в стабильных областях известно, «что работает», т.е. политический процесс опирается на сложившиеся сети экспертов и проверенные источники данных; если поле постоянно меняется, то это характеризуется непрекращающимся оспариванием надежности баз данных, а в сетях часто наблюдаются разногласия; на принципиально новых полях вообще отсутствует надежная доказательная база, и множество экспертов лишь строят догадки о происходящем [Mulgan, 2005]. «Во второй и третьей категориях наши вопросы меняются так же, как и наши ответы. В таких ситуациях доказательства не существуют абстрактно, они свободно плавают, имея отношение лишь к теории и концепциям, обеспечивающим призму, через которую виден мир. Эти теории не являются альтернативой неопровержимым фактам и доказательствам: это единственные способы их осмысления» [Mulgan, 2005, p.222]. Иными словами, санкционная политика ЕС в качестве основания имеет не факты и научные доказательства, а «политическую теорию»: идеологию, интересы, институциональные нормы и практики и предварительную информацию. Но это не означает, что конкретное наполнение санкционных списков не основывается на данных: речь идет лишь о том, что научное доказательство лежит не в базисе, а в надстройке политического процесса.

Стоит также упомянуть исследование Дж. Шеперда (J. Shepherd) о «функциональной экосистеме доказательств» в политическом процессе, посвященное методам отбора и имплементации доказательств в правительственных фабриках мысли What Works Centers. Исследование обосновывает сложности процесса доказательств, из чего автор делает вывод о том, что центры «должны заниматься не только синтезом и принятием доказательств, но и всей системой в своем секторе» [Shepherd, p.5]. Автор концентрирует внимание на наиболее важных элементах экосистемы доказательств, к которым он относит источники доказательств, каналы связи, проблемы и стимулы. Структурно экосистема до-

¹⁶ Peace versus Justice: The coming European split over the war in Ukraine // European Council on Foreign Relations. URL: <https://ecfr.eu/publication/peace-versus-justice-the-coming-european-split-over-the-war-in-ukraine/> (дата обращения: 25.07.2022).

казательств, согласно Дж. Шеперду, состоит из базы данных, которая должна быть доступна для изменения экспертам и легка в использовании для лиц, принимающих решения, вспомогательных структур, ответственных за интеграцию доказательств в политический процесс, и персонала, обученного и способного применять новые доказательства в политическом процессе. Основными предпосылками успешного внедрения научных данных в политический процесс, как считает автор, являются навыки, мотивация и триггер — подсказки, сделанные в моменте принятия решения [Shepherd, 2014, p. 18]. В контексте данного исследования чрезвычайно сложно учесть весь комплекс доказательных данных в отношении введения ограничительных мер против российских энергоносителей, однако экосистемный подход будет учитываться при обобщении наиболее значимых факторов принятия решений европейскими странами.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Для достижения поставленной цели исследования использовались статистические (корреляционный и регрессионный анализ) и качественные сравнительные (булева алгебра) методы. Корреляционный и регрессионный анализ позволил подробнее проанализировать готовность стран ЕС к введению новых санкций, в то время как булева алгебра позволила провести исследование структуры политических доказательств.

Переменные, отобранные для статистического анализа, были разделены на две группы — общие и специфические. К общим были отнесены рост ВВП¹⁷, уровень инфляции¹⁸, уровень занятости¹⁹, уровень безработицы²⁰, уровень демократии²¹ и уровень миролюбия²², т. е., с точки зрения автора, наиболее важные экономические и политические показатели. Специфические показатели включили в себя общий уровень импортной зависимости, объем импорта энергоносителей из РФ²³, общественную оценку ответственности России в украин-

¹⁷ GDP main aggregates and employment estimates for the second quarter of 2021 // Eurostat. URL: <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/2995521/11563259/2-07092021-AP-EN.pdf/5adabdef-cc74-9c1c-fc2b-223171814f39?t=1631003082241> (дата обращения: 16.05.2022).

¹⁸ HICP — monthly data (annual rate of change) // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/prc_hicp_manr/default/table?lang=en (дата обращения: 26.07.2022).

¹⁹ Growth rates of employment in persons, 2021Q4 // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/images/2/2a/Growth_rates_of_employment_in_persons_%28%29%2C_2021Q4.png (дата обращения: 16.05.2022).

²⁰ Unemployment by sex and age — monthly data // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/databrowser/view/une_rt_m/default/table?lang=en (дата обращения: 16.05.2022).

²¹ Global Freedom report // Freedom House. URL: <https://freedomhouse.org/countries/freedom-world/scores> (дата обращения: 16.05.2022).

²² Global Peace Index 2021. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2021/06/GPI-2021-web-1.pdf> (дата обращения: 16.05.2022).

²³ Energy mix in 2020 // Eurostat. URL: https://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php?title=File:EnergyMixDependencyImports_25-03-2022.xlsx (дата обращения: 16.05.2022).

ском кризисе²⁴, а также позицию страны, выражающую готовность к введению новых ограничительных мер по отношению к России. Переменные были отобраны таким образом, чтобы в первую очередь проанализировать взаимосвязь между общими и специфическими группами переменных. Помимо указанных выше, в качестве зависимой переменной была представлена переменная позиции страны, выражающей санкционную готовность. Для кодирования этой переменной был использован простой метод: 2 — «страна готова к введению новых ограничительных мер», 1 — «страна находится в процессе выработки позиции», 0 — «страна не готова или выступает против новых ограничительных мер». Кодировка основывалась на анализе высказываний политических лидеров стран ЕС и состоянии политической дискуссии в отношении ограничительных мер по отношению к РФ.

Корреляционный анализ продемонстрировал следующие значимые взаимосвязи (табл. 1):

Таблица 1. Результаты корреляционного анализа (корреляция Пирсона (Pearson))

№	Переменные	r	p
1	Уровень занятости / уровень импортной зависимости	0,438	0,022
2	Уровень инфляции / объем импорта энергоносителей из РФ	0,504	0,007
3	Уровень инфляции / общественная оценка ответственности России в украинском кризисе	0,518	0,006
4	Уровень безработицы / уровень миролюбия	0,55	0,004
5	Уровень безработицы / рост ВВП	0,408	0,039
6	Общественная оценка ответственности России в украинском кризисе / объем импорта энергоносителей из РФ	0,397	0,04
7	Общественная оценка ответственности России в украинском кризисе / готовность страны к введению новых ограничительных мер	0,591	0,001

Источник: составлено автором.

Первые три пары переменных, представленных в табл. 1, указывают на взаимосвязи между общими и специфическими показателями. Эти пары были дополнительно проверены другими способами вычисления корреляций (корреляции Спирмена (Spearman) и Кендалла (Kendall)) (табл. 2).

Таблица 2. Результаты корреляционного анализа значимых переменных (корреляции Спирмена и Кендалла)

²⁴ Report Flash Eurobarometer 506 EU's response to the war in Ukraine. URL: https://ec.europa.eu/migrant-integration/system/files/2022-05/EU_response_to_war_in_Ukraine_FL506_report_en.pdf (дата обращения: 16.05.2022).

№	Переменные	ρ	p	τ	p
1	Уровень занятости / уровень импортной зависимости	0,509	0,007	0,379	0,006
2	Уровень инфляции / объем импорта энергоносителей из РФ	0,484	0,011	0,349	0,11
3	Уровень инфляции / общественная оценка ответственности России в украинском кризисе	0,26	0,189	0,173	0,210

Источник: составлено автором.

Взаимосвязь между уровнями занятости и импортной зависимости, а также между уровнем инфляции и объемом импорта энергоносителей из РФ подтвердилась, в то время как взаимосвязь между уровнем инфляции и общественной оценкой ответственности России в украинском кризисе выявлена только в результате вычисления корреляции Пирсона. Тем не менее ее также следует рассмотреть, поскольку значение и значимость корреляции фиксируются на высоком уровне ($r=0,518$; $p=0,006$).

Первые две пары корреляций, указанные в табл. 2, достаточно хорошо известны в экономической науке. «Импорт может привести к сокращению рабочих мест в краткосрочной перспективе из-за затрат на переориентацию... Несмотря на то что в достаточно небольшом количестве исследований удалось обнаружить различия между долгосрочным и краткосрочным периодом, те исследователи, кто это сделал, обычно обнаруживают в долгосрочной перспективе взаимосвязь между импортом и занятостью» [Görg, Görlich, 2011, p. 228]. Эту тенденцию — снижение уровня занятости в краткосрочной перспективе и повышение в долгосрочной в результате снижения таможенных тарифов на импорт — отмечают, в частности, А. А. Шилов, И. Н. Долгова, И. Б. Королев и Е. С. Миронова, исследуя вероятные сценарии вступления России в ВТО [Шилов и др., 2008]. Даже в краткосрочной перспективе авторы оценивают незначительность негативного воздействия снижения импортного торгового тарифа при вступлении в ВТО на экономическую динамику и занятость населения [Шилов и др., 2008, с. 644]. А. Е. Батяева отмечает, что занятость в целом достаточно чувствительна к импортной зависимости [Батяева, 2017, с. 11]. Автор указывает на психологический феномен сокращения занятости, а не производства, в неблагоприятных экономических условиях [Батяева, 2017, с. 11–12]. Чтобы более не углубляться в эту тему, стоит отметить, что взаимосвязь импортной зависимости и занятости вытекает из общих закономерностей функционирования народного хозяйства: импортная зависимость указывает на интеграцию во внешнеэкономическую зону, что благоприятно сказывается в том числе и на уровне занятости, в то время как повышение импортных тарифов, являющихся инструментом защиты национального продукта, снижает конкуренцию между импортной и экспортной продукцией и не стимулирует национального производителя к расширению производства и созданию рабочих мест.

Взаимосвязь между уровнем инфляции и объемом импорта энергоносителей более проста и понятна: чем выше объем импорта энергоносителей, тем больший вклад этот импорт делает в цены на внутреннем рынке. Таким образом, рост цен на энергоносители разгоняет инфляцию и на все прочие виды товаров и услуг.

Корреляция между уровнем инфляции и общественной оценкой граждан европейских стран ответственности России в украинском кризисе имеет несколько объяснений: 1) погрешность вычислений (расчеты корреляций Спирмена и Кендалла не показали значимых результатов); 2) проблема «мало случаев, много переменных» (27 стран ЕС); 3) склонность граждан в условиях стремительного роста цен искать внешнего врага, на которого можно возложить ответственность; 4) значительность доли бывших социалистических стран, в которых фиксируются как наиболее высокие инфляционные показатели среди прочих государств Евросоюза, так и наиболее жесткие оценки участия России в украинском кризисе.

Множественный регрессионный анализ был выполнен для исследования факторов, влияющих на общественное мнение граждан стран ЕС. Эмпирическая функция распределения переменных соответствует нормальному (табл. 3).

Таблица 3. Результаты проверки переменных на нормальность распределения (критерий Колмогорова — Смирнова)

Переменные	Z	p
Занятость	1,224	0,91
Общественная оценка ответственности России в украинском кризисе	0,578	0,893
Объем импорта энергоносителей из РФ	0,973	0,3
Рост ВВП	0,693	0,722
Уровень безработицы	0,713	0,69
Уровень демократии	0,809	0,53
Уровень импортной зависимости	0,599	0,866
Уровень инфляции	0,775	0,585
Уровень миролюбия	0,516	0,953

Источник: составлено автором.

Все переменные являются количественными, поэтому был выбран метод множественной линейной регрессии (переменная готовности страны к введению новых ограничительных мер была исключена из уравнения). У переменных отсутствуют высокие показатели корреляции, следовательно, мультиколлинеарность незначительна. Результаты теста Дарбина — Уотсона (Durbin — Watson) указывают на отсутствие автокорреляции ($d = 1,925$). Значение R-квадрата высокое — 0,592, т. е. одна независимая переменная вкладывает в значение зави-

симой почти 60%. Значимость регрессии находится в приемлемом диапазоне ($p=0,033$). Результаты регрессионного анализа представлены в табл. 4.

Таблица 4. Результаты регрессионного анализа (зависимая переменная — общественная оценка ответственности России в украинском кризисе)

Модель	Нестандартизованные коэффициенты		t	p
	B	Стандартная ошибка		
(Константа)	8,637	44,496	0,194	0,849
Занятость	-0,683	0,775	-0,880	0,392
Объем импорта энергоносителей из РФ	0,279	0,133	2,095	0,052
Рост ВВП	0,936	0,761	1,230	0,236
Уровень безработицы	1,125	0,969	1,161	0,263
Уровень демократии	0,549	0,361	1,522	0,148
Уровень импортной зависимости	-0,238	0,146	-1,626	0,123
Уровень инфляции	1,673	0,680	2,459	0,026
Уровень миролюбия	-28,214	12,905	-2,186	0,044

Источник: составлено автором.

Самый большой вклад в значение зависимой переменной вносит миролюбивость страны: чем менее миролюбива страна, тем больше ее граждане склонны к наиболее резким оценкам ответственности России в украинском кризисе. Прочие факторы — одного порядка, наиболее значимые из которых инфляция, безработица и рост ВВП. Вероятно, граждане практически не уделяют внимания вопросам импортной зависимости, объемов импорта энергоносителей из России, занятости и свободы в оценке роли России в украинском кризисе 2022 г. — надо полагать, что эти вопросы будут значимыми для экспертов и лиц, принимающих решения. В большей степени ответы граждан носят ценностный характер и в меньшей — связаны с их интересами.

Для исследования причин готовности или неготовности страны к введению новых ограничительных мер по отношению к российским энергоносителям был применен качественный сравнительный анализ (QCA) [Ragin, 1987]. Данные были перекодированы в зависимости от их положения к среднему значению переменной ($n \geq \mu$, $n = 1$; $n < \mu$, $n = 0$). Переменная готовности к введению ограничительных мер была закодирована следующим образом: $n = 0 \rightarrow n = 0$; $n = 1 \rightarrow n = 1$ $n = 2 \rightarrow n = 1$, т.е. значения переменной «страна готова к введению новых ограничительных мер» и «страна находится в процессе выработки позиции» трактуются как готовность. Переменные свободы и миролюбия не включены в анализ, поскольку разброс данных в индексах по странам ЕС небольшой,

кроме того, сложность представляется и в отнесении той или иной страны Евросоюза к недемократическим или немиролюбивым.

Наибольшая состоятельность в готовности стран ЕС к введению новых ограничительных мер обнаруживается у переменной «объем импорта энергоносителей из РФ» (0,72), в то время как наибольшая состоятельность в неготовности к введению новых ограничений — у переменной общественного мнения (0,67) (рис. 1).

Несмотря на то что некоторые переменные также обладают высокой состоятельностью, в комбинации с другими переменными максимальная состоятельность фиксируется у пар «объем импорта энергоносителей из РФ» (И)

Analysis of Necessary Conditions			Analysis of Necessary Conditions		
Outcome variable: position			Outcome variable: ~position		
Conditions tested:			Conditions tested:		
	Consistency	Coverage		Consistency	Coverage
employment	0.611111	0.733333	employment	0.444444	0.266667
~employment	0.388889	0.583333	~employment	0.555556	0.416667
unemployment	0.611111	0.687500	unemployment	0.555556	0.312500
~unemployment	0.388889	0.636364	~unemployment	0.444444	0.363636
inflation	0.444444	0.615385	inflation	0.555556	0.384615
~inflation	0.555556	0.714286	~inflation	0.444444	0.285714
import	0.722222	0.722222	import	0.555556	0.277778
~import	0.277778	0.555556	~import	0.444444	0.444444
importdependency	0.555556	0.714286	importdependency	0.444444	0.285714
~importdependency	0.444444	0.615385	~importdependency	0.555556	0.384615
publicopinion	0.500000	0.750000	publicopinion	0.333333	0.250000
~publicopinion	0.500000	0.600000	~publicopinion	0.666667	0.400000
GDP	0.500000	0.692308	GDP	0.444444	0.307692
~GDP	0.500000	0.642857	~GDP	0.555556	0.357143

Рис. 1. Состоятельность отдельных причин (исследуемая переменная — готовность страны ЕС к введению новых ограничительных мер)

Источник: составлено автором.

и «невысокий рост ВВП» (В), а также «низкая оценка общественного мнения ответственности России в украинском кризисе» (О) и «невысокий уровень занятости» (З) (рис. 2).

Таким образом, искомая формула имеет следующий вид: $F = И \sim В + \sim О \sim З$. Полученные данные могут говорить о том, что более склонными к позиции согласия с санкционными ограничениям являются страны, в наименьшей степени зависимые от импорта энергоносителей из РФ (высокая зависимость кодировалась как «0», низкая — как «1») и медленнее других членов ЕС восстанавливающие свою экономику после пандемии COVID–19, т. е. низкая зависимость от импорта представляет основание для позиции готовности, в то время как низкие темпы роста ВВП относятся к целям, препятствием на пути к которым страны видят в действиях РФ на Украине. Страны, склоняющиеся в сторону отказа от новых ограничительных мер, имеют в качестве основания для такой позиции общественное мнение граждан, которые не склонны возлагать на Россию всю полноту ответственности за события на Украине в 2022 г. (т. е. граждане либо дружелюбно настроены по отношению к России, либо критично оценивают по-

Analysis of Necessary Conditions

Outcome variable: position

Conditions tested:

	Consistency	Coverage
import+~GDP	1.000000	0.720000

Analysis of Necessary Conditions

Outcome variable: ~position

Conditions tested:

	Consistency	Coverage
~publicopinion+~employment	1.000000	0.391304

Рис. 2. Состоятельность комбинаций причин (исследуемая переменная — готовность страны ЕС к введению новых ограничительных мер)

Источник: составлено автором.

литуку Евросоюза), а в качестве цели видят обеспечение большей занятости населения, которую, вероятно, они также связывают с Россией. Иными словами, в выработке позиции готовности большую роль играют технократические тенденции, а в выработке позиции неготовности — делиберативные.

Схематично полученные результаты изображены на рис. 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование показало, что ценностная мотивация преобладает в общественном сознании европейцев в отношении ограничительных мер против российских энергоносителей, однако интересы являются барьером, сдерживающим ценностные оценки. Так, результаты регрессионного анализа показали факторы общественного мнения, в которое наибольший вклад вносят миролюбие и восприятие России как угрозу мира на территории Европы, а также беспокойство граждан относительно инфляции, безработицы и роста ВВП. Подобная модель — «ценности как движущая сила и интересы как барьер этого движения» — обнаруживается и в структуре политических позиций: позиция готовности или неготовности к введению новых ограничительных мер базируется на общественном консенсусе, который, в свою очередь, имеет под собой ценностные основания. «Что» в структуре политической позиции предшествует «как»: страны, готовые присоединиться к очередным санкционным пакетам, сосредотачивают свое внимание на ликвидации или снижении значимости «барьеров», в то время как страны, неготовые к введению новых ограничений, ведут активные дискуссии с избирателями. В этом смысле технократия

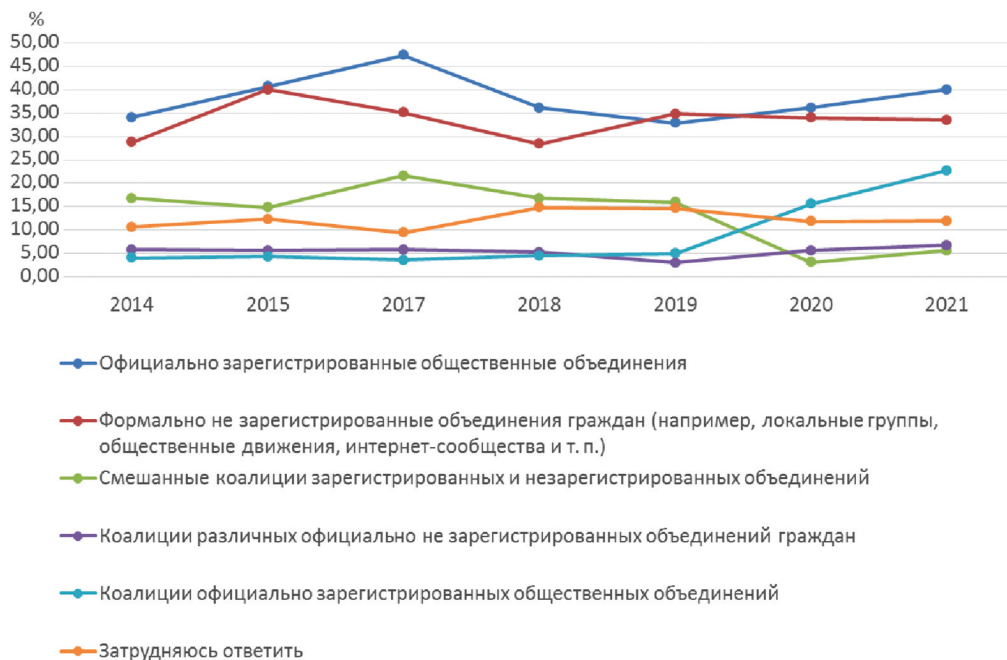

Рис. 3. Схема выявленных взаимосвязей между исследуемыми переменными
Источник: составлено автором.

не противоречит делиберации в выработке политической позиции, эти тенденции сменяют друг друга в политическом процессе.

Основными барьерами выступают зависимость европейских стран от российских энергоносителей (для выработки политической позиции) и инфляция, порождаемая санкциями против России в энергетическом секторе (для общественного мнения). Эти результаты достаточно очевидны: общество волнуется повышением цен, а правительство — поддержание экономического баланса. Общество в большей степени, чем правительство, чувствительно к безработице, в то время как правительство обеспокоено уровнем занятости. И общество, и государство не могут не обращать внимание на невысокие темпы роста ВВП в постпандемийный период. Для правительств стран ЕС в большей степени имеют значение причины проблем, в то время как общество недовольно последствиями.

Еврокомиссия, по всей видимости, полагает, что страны Европы обладают ценностным консенсусом, хотя результаты опросов показывают, что это не совсем так²⁵; если же это не так, то дело не в ценностях, а интересах, т. е. консенсусу мешают экономические причины, решить которые поможет метод «что работает», доказательная политика. На этом основании Еврокомиссией еще в марте 2022 г. был разработан и в мае 2022 г. утвержден общий план,

²⁵ Report Flash Eurobarometer 506 EU's response to the war in Ukraine.

включающий в себя такие меры, как: европейцы должны стремиться диверсифицировать поставщиков за счет увеличения объемов импорта сжиженного природного газа и других производителей трубопроводного газа; увеличить объемы производства и импорта биометана и «чистого» водорода; ускорить сокращение использования ископаемых видов топлива для отопления домов и промышленных предприятий, что предлагается сделать за счет повышения энергоэффективности и увеличения использования возобновляемых источников энергии, а также устранения узких мест в инфраструктуре²⁶. Надо полагать, что это не единая стратегия, а рекомендательный план, выполнять пункты которого рекомендуется каждому члену ЕС самостоятельно.

Исследование косвенно проявило некоторые стадии политического цикла в ЕС: дискуссия о ценностях с приводимыми каждой стороной аргументами, принятие решения, имплементация, к которой подключаются методы доказательной политики. Тезис о высокой роли исследований в решении проблем после достижения соглашения о целях, выдвинутый К. Вайс, также в рамках проанализированного кейса подтвердился. Непроясненным остался момент взаимодействия различных этапов политического цикла, каждый из этапов описывался отдельно от остальных, в этом смысле влияние доказательной политики на принятие решений, кроме помощи в решениях сложной проблемы, нуждается в дополнительном изучении. Также осталась неисследованной экосистема доказательств введения новых ограничительных мер против российских энергоносителей — эта тема также является предметом дальнейших исследований. В данном исследовании в большей степени был проведен анализ дискуссии и принятия решений в рамках выбранного кейса, однако это значимо в качестве изучения оснований доказательной политики в энергетической сфере стран ЕС. Исследование также показало высокую значимость научных доказательств в выработке энергетической политики ЕС, и это важная и полезная практика, которую стоит изучать и перенимать другим странам.

Литература

Батяева А. Е. Зависимость отечественных предприятий от импорта: проблемы измерения, основные тенденции и влияние на хозяйственную деятельность компаний // Российский Экономический Барометр. 2017. № 2. С. 3–12.

Широв А. А., Долгова И. Н., Королев И. Б., Миронова Е. С. Оценка воздействия внешне-экономических процессов на занятость в отраслях экономики Российской Федерации // Научные труды: институт народнохозяйственного прогнозирования РАН. 2008. Т. 6. С. 623–645.

Bachrach P., Baratz M. Power and Poverty: Theory and Practice. Oxford: Oxford University Press, 1970. 220 p.

Boswell C. The Political Uses of Expert Knowledge: Immigration Policy and Social Research. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 282 p.

Campbel S., Benita S., Coates E., Davies P., Penn G. Analysis for Policy: Evidence-Based Policy in Practice. London: Government Social Research Unit, 2007. 31 p.

²⁶ Энергичная диверсификация. Еврокомиссия обнародовала предложения по сокращению импорта российских нефти, газа и угля // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/newspaper/2022/03/10/6228745b9a79475abc907aca> (дата обращения: 29.07.2022).

Görg H., Görlich D. Trade and Labour Market Outcomes in Germany // OECD Trade Policy Working Papers. 2011. No. 125. P. 193–235.

Greenhalgh T., Russell J. Evidence-based policymaking: a critique // Perspectives in Biology and Medicine. 2009. No. 52 (2). P. 304–318.

Hall P. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain // Comparative Politics. 1993. No. 25 (3). P. 278–279.

Majone G. Evidence, Argument and Persuasion in the Policy Process. New Haven: Yale University Press, 1989. 203 p.

Mulgan G. Government, Knowledge and the Business of Policy Making: The Potential and Limits of Evidence-Based Policy // Evidence and Policy. 2005. No. 1 (2). P. 215–226.

Nutley S., Powell A., Davies H. What Counts as Good Evidence? Provocation Paper for the Alliance for Useful Evidence. 2013. URL: https://research-repository.st-andrews.ac.uk/bitstream/handle/10023/3518/What_Counts_as_Good_Evidence_published_version.pdf?sequence=1 (дата обращения: 26.07.2022).

Nutley S., Walter I., Davies H. Using Evidence: How Research Can Inform Public Services. Bristol: Policy Press, 2007. 363 p.

Ragin Ch. The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies. Berkeley: University of California Press, 1987. 185 p.

Sanderson I. Evidence-Based Policy or Policy-Based Evidence? Reflections on Scottish Experience // Evidence and Policy. 2011. No. 7 (1). P. 59–76.

Shepherd J. How to Achieve More Effective Services: The Evidence Ecosystem. 2014. URL: https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/69077/1/2014_JPS_What_Works.pdf (дата обращения: 28.07.2022).

Weiss C. The Many Meanings of Research Utilization // Public Administration Review. 1979. No. 39. P. 426–431.

Weiss C. What Kind of Evidence in Evidence-Based Policy? // Third International Interdisciplinary Evidence-Based Policies and Indicator Systems Conference. Durham: CEM Centre, University of Durham, 2001. P. 284–291.

Wesselinck A., Colebatch H., Pearce W. Evidence and policy: discourses, meanings and practices // Policy Sciences. 2014. No. 47 (4). P. 339–344.

Кондратенко Константин Сергеевич — канд. филос. наук, доц.; k.kondratenko@spbu.ru

Статья поступила в редакцию: 3 августа 2022 г.;

рекомендована к печати: 22 сентября 2022 г.

Для цитирования: Кондратенко К. С. Импортная зависимость vs общественное мнение: исследование доказательной базы готовности стран Европейского союза к введению новых ограничительных мер в отношении российских энергоносителей // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 4. С. 470–488. <https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.408>

IMPORT DEPENDENCY VS PUBLIC OPINION: EVIDENCE-BASED READINESS RESEARCH OF THE EU COUNTRIES TO INTRODUCE NEW RESTRICTIVE MEASURES AGAINST RUSSIAN ENERGY CARRIERS

Konstantin S. Kondratenko

St Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St Petersburg, 199034, Russian Federation; k.kondratenko@spbu.ru

The article is devoted to the study of the positions of the EU countries of readiness or unwillingness to join new restrictive measures against Russian energy carriers. The topic of blocking Russian raw materials is one of the most painful problems that arose as a result of the Ukrainian crisis. Many leaders and high-ranking officials of the EU countries expressed clear concern about

the possibility of an economic shock as a result of the expansion of sanctions. The article, therefore, is devoted to the study of the factors of developing a political position and the role of evidence-based politics in this process. The key issue in the article is the contradiction between values and interests in the member states of the European Union — for this, a study was undertaken of the general behavior of the EU countries, public opinion, basic interests, as well as strategies to overcome the energy impasse. In order to achieve the required results, correlation and regression analysis, as well as qualitative comparative analysis based on Boolean algebra, was undertaken in the article. Cases were studied from the position of acceptable diversity, so economic, political, social and political-cultural variables were selected to obtain the results. The study of the evidence base as the basis for developing a political position and tools for its implementation is important for understanding the emerging energy strategy of the European Union, which will determine the development of the Eurozone in the coming years and possibly decades.

Keywords: energy policy, European Union, import dependence, sanctions, energy carriers, Russian energy carriers.

References

- Bachrach P., Baratz M. *Power and Poverty: Theory and Practice*. Oxford: Oxford University Press, 1970. 220 p.
- Batyayeva A. E. Dependence of domestic enterprises on imports: Problems of measurement, main trends and impact on the economic activity of companies. *Rossiiskii Ekonomicheskii Barometr*, 2017, no. 2, pp. 3–12. (In Russian)
- Boswell C. *The Political Uses of Expert Knowledge: Immigration Policy and Social Research*. Cambridge: Cambridge University Press, 2012. 282 p.
- Campbell S., Benita S., Coates E., Davies P., Penn G. *Analysis for Policy: Evidence-Based Policy in Practice*. London: Government Social Research Unit, 2007. 31 p.
- Görg H., Görlich D. Trade and Labour Market Outcomes in Germany. *OECD Trade Policy Working Papers*, 2011, no. 125, pp. 193–235.
- Greenhalgh T., Russell J. Evidence-based policymaking: a critique. *Perspectives in Biology and Medicine*, 2009, no. 52 (2), pp. 304–318.
- Hall P. Policy Paradigms, Social Learning, and the State: The Case of Economic Policymaking in Britain. *Comparative Politics*, 1993, no. 25 (3), pp. 278–279.
- Majone G. *Evidence, Argument and Persuasion in the Policy Process*. New Haven: Yale University Press, 1989. 203 p.
- Mulgan G. Government, Knowledge and the Business of Policy Making: The Potential and Limits of Evidence-Based Policy. *Evidence and Policy*, 2005, no. 1 (2), pp. 215–226.
- Nutley S., Powell A., Davies, H. What Counts as Good Evidence? Provocation Paper for the Alliance for Useful Evidence. 2013. Available at: https://research-repository.st-andrews.ac.uk/bitstream/handle/10023/3518/What_Counts_as_Good_Evidence_published_version.pdf?sequence=1 (accessed: 26.07.2022).
- Nutley S., Walter I., Davies H. *Using Evidence: How Research Can Inform Public Services*. Bristol: Policy Press, 2007. 363 p.
- Ragin Ch. *The comparative method: Moving beyond qualitative and quantitative strategies*. Berkeley: University of California Press, 1987. 185 p.
- Sanderson I. Evidence-Based Policy or Policy-Based Evidence? Reflections on Scottish Experience. *Evidence and Policy*, 2011, no. 7 (1), pp. 59–76.
- Shepherd J. How to Achieve More Effective Services: The Evidence Ecosystem. 2014. Available at: https://orca.cardiff.ac.uk/id/eprint/69077/1/2014_JPS_What_Works.pdf (accessed: 28.07.2022).
- Shirov A. A., Dolgova I. N., Korolev I. B., Mironova E. S. Assessment of the impact of foreign economic processes on employment in the sectors of the economy of the Russian Federation. *Nauchnye trudy: institut narodnokhoziaistvennogo prognozirovaniia RAN*, 2008, vol. 6, pp. 623–645. (In Russian)

Weiss C. The Many Meanings of Research Utilization. *Public Administration Review*, 1979, no. 39, pp. 426–431.

Weiss C. What Kind of Evidence in Evidence-Based Policy? *Third International Interdisciplinary Evidence-Based Policies and Indicator Systems Conference*. Durham: CEM Centre, University of Durham, 2001, pp. 284–291.

Wesselink A., Colebatch H., Pearce W. Evidence and policy: discourses, meanings and practices. *Policy Sciences*, 2014, no. 47 (4), pp. 339–344.

Received: August 3, 2022

Accepted: September 22, 2022

For citation: Kondratenko K. S. Import dependency vs public opinion: Evidence-based readiness research of the EU countries to introduce new restrictive measures against Russian energy carriers. *Political Expertise: POLITEX*, 2022, vol. 18, no. 4, pp. 470–488.

<https://doi.org/10.21638/spbu23.2022.408> (In Russian)